

ЦИКЛОН НАД ТРАНСКЕЕМ

ПОВЕСТЬ

ЛЕВ БЕРИНГОВ

ПЛЕНКА С КАТАМАРАНА

КОГДА малиновое солнце нырнуло в дымку на горизонте, день погас, как экран телевизора. Звезды ярко сияли. Город переливался у подножья острова гирляндами и пирамидами пестрых огней, словно кто-то сыпал вниз, в океан, пригоршню разноцветных новогодних лампочек.

Как только стрелки всех часов в городе приблизились к полуночи, у смотровой площадки затормозил черный приземистый «Форд», широкий и плоский и в то же время стремительный, будто летающая тарелка. Несколько минут машина стояла неподвижно, пережидая шумную гурьбу «джипов»: офицеры с военно-морской базы возвращались на корабли после очередного визита в город. Затем большая дверца «Форда» отворилась, выпустив на асфальт человека с округлым металлическим чемоданчиком в руке. Человек беззвучно скользнул вниз под откос, а тяжелая автомашина, глухо зарокотав мотором, снялась с места, как ночная птица, и исчезла, помигав красными глазками задних фонарей.

Человек спустился к берегу океана, сел на песок, бесшумно расстегнул никелированные карбины запоров чемодана, открыл крышку, снабженную по краю резиновой прокладкой, и достал изнутри массивный бинокль ночного видения. Он поднес его к глазам и внимательно осмотрел базу водной станции, которая виднелась метрах в семистах по направлению к городу; прогулочные катамараны столпились на воде за провололочной изгородью, отделенные от волн океана г-образной дугой бетонного мола.

На наблюдательной вышке рядом с водной станцией мигнул и погас в окне огонек: спустя несколько минут автомобильные фары скользнули по стене лодочного ангара, осветили катер на берегу и исчезли за деревьями. На лодочной станции, судя по всему, не осталось ни души.

«Пока все идет точно по плану», — подумал человек на пляже, стаскивая через голову легкий свитер. Потом он разулся, снял шорты и остался в купальных трусах, к поясу которых

был прикреплен нож. Достав из чемодана ласты и маску с трубкой, человек сложил туда одежду, бинокль, запер карбины и закопал чемодан во влажный песок. Затем он неспешно и аккуратно надел снаряжение подводного пловца и, пятясь, боком, поднырнул под волну прибоя, исчез в черной глубине.

Он вынырнул спустя час; волной его протаскило по песку и выбросило рядом с мысом, над которым изредка, скрипя на повороте, проносились из города последние автомашины.

Выкопав из песка свой чемодан, человек достал резиновые сандалии, шорты и свитер, переоделся, сняв с себя мокрые плавки; он сложил все лишнее в металлическое нутро чемодана, затем встал во весь рост и, размахнувшись, швырнул чемодан далеко в пучину.

«Форд» уже стоял, ожидая его на смотровой площадке. Человек протянул в раскрытое ветровое стекло кассету с пленкой и негромко сказал:

— Все в порядке, Кабан! На всякий случай я сменил там батарейку магнитофона. Теперь твой ход. Чао!

И, не дожидаясь ответа, он исчез в придорожных кустах.

Спустя полчаса Сэмюэль де Мезьер по кличке Кабан припарковал «Форд» на стоянке у бара «Ночной матрос» и, просунув широкие плечи в бамбуковый занавес двери, подзвал официанта. Их всех здесь разрисовали татуировкой полинезийских воинов; таков был стиль заведения.

— Слушаю вас, сэр! — отозвался блестящий от пота туземец, весело вращая белками глаз.

— Двойной виски! И присмотри тут за моей колымагой. Я, возможно, заскочу за ней через пару часов.

Он вложил в коричневую руку потомка пиратов десять долларов.

— Желая приятно провести время, сэр! — сверхпочтительно сказал бывший дикарь, получив еще купюру и провожая восхищенным взглядом атлетическую фигуру щедрого клиента. Он был уверен, что этот гигант, набитый деньгами, как все янки, неплохо повеселится в ночном Гонолулу.

Но Сэмюэль де Мезьер вовсе не собирался развлекаться. Он оставил слева от себя неоновые сполохи кварталов зланных мест и быстрым шагом направился вверх, где по склонам холмов заснули рабочие предместья города. Уверенно ориентируясь в кривых переулках, он вышел к небольшой немощенной площади, в центре которой тусклый свет двух фонарей озарял дощатый павильон фотоателье. Одно из окон здания было освещено. Дверь поскрипывала, приоткрываясь под порывами ночного ветра. Она была не заперта, и это настораживало.

Однако Сэмюэль де Мезьер получил свое прозвище среди коллег из синдиката гангстеров «Коза ностра» отнюдь не только за маленькие свиньи глазки и обманчиво тупое выражение лица: в случае необходимости он шел напролом, презирая опасность, и не терял головы.

Наметив кратчайшее расстояние до фотоателье, Сэм, пригнувшись, одним рывком перебежал площадь и, не оборачиваясь, захлопнул

за собой дверь. Ничего. Тихо. Тишина мертвецкой: рядом с треногой массивного фотоаппарата лежал труп мужчины. Там, где засаленный воротник рубашки обнажал полоску шеи, торчала короткая оперенная стрела. От духовой метательной трубки, сарбакана, определил Сэм. Ему уже приходилось встречаться с подобным оружием. Высоким классом считается перебить стрелкой позвоночник в основании затылка. Две-три капли крови — и мгновенная бесшумная смерть.

Чуть раскачиваясь на полусогнутых ногах, Сэм стремительно продумывал возможные варианты дальнейших действий. Итак, убийца в данную минуту находится где-нибудь за углом одного из переулков. Дверь фотоателье — отлично освещенный ориентир. Другого выхода, конечно, нет. Пытаться уйти через окно бессмысленно, окна страхуют сообщники; в этом можно не сомневаться. Телефон отсутствует. Вызвать парней или просто соседей невозможно. Ловушка. Связного убили. А он пришел к связному и попал в ловушку. Теперь сам очутился под стрелой сарбакана.

«Ну что ж, — решил Сэм. — Раз нельзя позвать сюда людей, пусть они придут сами!»

Он прошел на жилую половину хибары, где стояла продавленная раскладная кровать, тумбочка с бельем, а на стене под чехлом из грязной марли висел выходной костюм убитого, Сэм сложил все вещи рядом с фотоаппаратом в ателье, вылил сверху бензин из зажигалки и поджег. Дымный чад и языки пламени рванулись в дверь.

Долго ждать не пришлось. Словно вдруг подняли занавес, и сцена ожила. Вся площадь перед фотоателье внезапно заполнилась полуодетыми орущими людьми.

— На помощь! Пожар! Несите ведра с водой! Да нет, вызывайте пожарную команду! У старика Тиаква есть телефон, разбудите его! Скорей! На помощь! Пожар! Пожар!

Крики и суматоха нарастали с каждой минутой. Иные уже подбегали к ателье и выплескивали в разбитые окна ведра и кастрюли с водой. Горло саднило едким дымом. Решив, что нужный момент наступил, Сэм прикрыл тряпкой лицо и прыгнул сквозь огонь вон из лачуги. Одежда его занялась пламенем, он бросился на землю, гася огонь, а затем как ни в чем не бывало смешался с толпой. На него никто не обратил внимания, на пожаре смотрят только на пожар. Кроме, конечно, убийцы. Или убийц. Сэм в этом ни на мгновение не сомневался. Однако первый тайм он отыграл.

И Сэмюэль де Мезьер повел за собой преследователей темными зловонными улочками, мимо каких-то фабрик и свалок железного хлама, через тупики и проходные дворы до тех пор, пока не убедился, что за ним идет всего лишь один человек. Погоняв убийцу еще с часок, Сэм присел у затоптанного газона, около здания какого-то склада, вырыл ножом в земле небольшую ямку и положил туда записную книжку. Оглядываясь по сторонам, словно не подозревая, что убийца затаился в ближайшей подворотне, Сэм аккуратно засыпал ямку, притоптал, потом замаскировал ее листвой и мусором. Ночь освещали только звезды, и действовать приходилось на ощупь. Покончив со своим тайником, Сэм встал, потянулся, помочился у стены и не спеша завернул за угол. Замер. Стал ждать, отсчитывая секунды.

Пять секунд. Убийца вышел из засады. Три секунды. Он перебежал к складу и разглядывает газон. Три секунды. Присел у газона и огляделся. Десять секунд. Разрывает тайник. Берет в руки записную книжку. Удивленно рассматривает.

Сэм выскочил из-за угла и стремглав бросился на присевшего у газона человека, смял его, прижал неслышное тело к земле, расплющил весом своих ста трех килограммов. Рванул за подбородок двумя руками голову, вверх, назад и, прижав коленями хрипящую спину, скрутил шею, пока не увидел белки выпученных рыбьих глаз, уже мертвых. «Три секунды», — машинально отметил Сэм.

Он подобрал свою записную книжку, вырвал чистый листок и размашисто написал: «Иду в номере ровно в десять». Затем вложил записную книжку в карман убитого и удалился, весьма довольный собой. Приятно почувствовать себя немножечко Джеймсом Бондом. Особенно, если знаешь, что завтра можешь навсегда оставить это вредное для здоровья ремесло.

КОНЦЫ В ВОДУ

Сэмюэль де Мезьер проснулся в отличном настроении. Солнце уже заглянуло косым лучом в лоджию, но в комнате еще было нежарко. Сэм отрезал толстый ломоть ананаса, выел середину, облив подбородок соком, а толстую и колючую, как кожа ящера, корочку выбросил в унитаз. Выйдя на балкон, он выкурил первую сигарету. На дне 40-метровой глубины мельтешились люди; влево и вправо по шоссе разбегались пестрые крыши автомашин. Пляж за шоссе уже был выложен загорелыми телами.

Сэм зашел в номер, взял телефон, затем вернулся в лоджию и довольный плюхнулся в кресло-качалку, выставив ноги под горячее солнце. Он заказал завтрак на двоих на десять часов, затем попросил доставить ему в комнату авиабилет на завтрашний рейс Гонолулу — Лос-Анджелес и подготовить к утру счет за номер и за прокат автомашины.

— Она мне понадобится только до вечера, — предупредил он бюро обслуживания. — На аэродром я возьму такси.

И, еще раз поблагодарив, Сэм повесил трубку. Главное состояло в том, чтобы все предусмотрено, не сделать ничего лишнего и выиграть сутки, что означало выиграть жизнь. Ведь за измену «Коза ностра» карает только смертью. Несчастный случай на дороге; сбит пьяный пешеход. В заливе найден труп задушенного; личность покойного опознать не удалось. Полицейский патруль обнаружил в парке обезглавленное тело, упакованное в мешок из-под сахара; гангстеры сводят счеты. О такой повседневности солидные газеты не сообщают даже петитом.

В империи звездно-полосатого флага «Коза ностра» всеисильна и вездесуща; Сэм с гордостью причислял себя к приближенным великого Джозефа Бонанно — одного из боссов преступного мира. Джозеф похвалялся, что оказывает на жизнь Америки не меньшее влияние, чем иные министры в Вашингтоне. И пресса это подтверждала.

Как-то в начале года, когда Сэм загорал во Флориде после успешной доставки из Бейрута крупной партии наркотиков, ему довелось про-

слушать в перерыве между таймами бейсбола выступление комментатора телевизионной компании «Эн-Би-Си».

— Гангстерские организации, называются они «Коза ностра», «мафия» или «Синдикат», представляют собой главную финансовую силу Соединенных Штатов, — с явным восхищением докладывал комментатор. — Ежегодный доход от продажи наркотиков, запрещенных азартных игр, проституции достигает пятидесяти миллиардов долларов, превосходя прибыли гигантских автоконцернов и стоимость всех продаваемых на нью-йоркской бирже акций. Преступные корпорации активно внедряются в мир respectable-ного бизнеса, вкладывая свои капиталы в национальную промышленность. Тем самым их могущество, а вместе с тем и безнаказанность множатся в геометрической прогрессии.

Комментатор откровенно разъяснял причины неуязвимости гангстерских воротил:

— По сведениям, добытым сенатской комиссией по борьбе с организованной преступностью, девять миллиардов долларов выплачивается ежегодно в виде взяток сенаторам, министрам, мэрам и профсоюзным лидерам. Только на подкуп полиции выделяется около пяти миллиардов долларов! Это больше, чем платит американское правительство всем полицейским страны!

Именно поэтому Сэм и перешел из полиции на работу к Джо Бонанно: риск тот же, но сплата несравненно выше. Однако все хорошо до поры до времени. Удачлив лишь тот игрок, что не зарывается. Сэм был уверен, что рано или поздно ему подвернется счастливый случай вовремя выйти из игры и затеряться где-нибудь на Новой Зеландии или в Австралии, прихватив солидный куш. Такой момент наступил. Самолет на Токио уходил через восемь часов. Но Сэмюэль старался пока об этом не думать. Праздничная индейка паслась еще в чужом саду.

Без десяти десять коридорный вкатил в номер столик с кофейником и приборами; варенье, яйца, ветчина, сливки, булочки и конфитюр дополняли натюрморт. В десять часов раздался стук в дверь.

— Не заперто, входите! — радушно воскликнул Сэм, бесшумно подсакивая к двери с пистолетом в руке.

Он скользнул за спину вошедшему и, вжимая ему в поясницу дуло «беретты», левой рукой, не оборачиваясь, повернул ключ в двери. Посетитель молча поднял вверх руки.

Сэм предупредил:

— Пистолет бесшумный, прошу без фокусов! Одно движение — и каюк!

— Хорошо, хорошо! — растерянно пробормотал посетитель. Пальцы рук его дрожали.

Продолжая буравить стволом пистолета поясницу гостя, Сэм автоматическими движениями обшарил карманы его тергалевого костюма, вытащил ключи от машины, бумажник, а из кобуры под мышкой выудил плоский дамский браунинг. Затем приказал:

— Два шага вперед! Кругом! Сядь на кровать.

По опыту он знал, что сидящий на кровати почему-то чувствует себя обычно весьма неловко, словно голый.

— Ну что ж! — произнес Сэм, с всемешкой разглядывая гостя. — Пора бы и познакомиться. С кем имею честь?

— Это не имеет никакого значения! — сердито ответил посетитель. Он снял очки, протер платком запотевшие стекла, затем промокнул лицо и круглую бритую голову. По-английски он говорил мягко, без американского рычащего «р». Его лицо показалось Сэму знакомым; он вроде бы где-то видел этого типа.

— Мы с тобой не встречались? — спросил Сэм. Его огромное тело закрывало собой почти всю дверь. В майке и трусах, облежавших его, как плавки, он казался особенно громоздким. Плечи бугрились шарами мышц, а подбородок был опущен, словно у готового к бою боксера.

— Нет, — ответил посетитель.

И добавил:

— Я вообще впервые в Америке.

Он постепенно овладел собой и заважничал. — Бросьте валять дурака! Я к вам с деловым предложением. — Он попытался встать.

— Сидеть, падал! — рявкнул Сэм. — Руки за голову! Англичанин, небось? Все вы паскудные зануды.

Сэм подошел к столу и вытряс на цветастую скатерть содержимое бумажника. Вместе с чековой книжкой, долларовыми купюрами, временным разрешением на ношение оружия, выданным в Сан-Франциско, и семейными фотографиями на стол солидно вывалился заграничный паспорт с костистым боннским орлом.

Сэм присвистнул.

— А мы, оказывается, из Эф-Эр-Ге! — произнес он удивленно. — Какими судьбами, герр э-э-э...

Он развернул паспорт.

— Герберт Лорхе! Честь имею поздравить с прибытием в наш островной штат! Гонолулу от всей души приветствует вас, герр Лорхе! А где, разрешите узнать, ваше чудо-оружие? Я имею в виду сарбакан, герр Лорхе.

— Довольно паясничать! — отрезал Лорхе, все еще держа руки за затылком. — Мы зря теряем время. Сколько хотите за пленку? Я полагаю, вы не намерены передавать ее своему боссу?

— Ну разумеется, — согласился Сэм. — Раз вы убрали связного, вы могли похитить у него и пленку. Иначе я бы не стал с вами связываться. А я сегодня же смоюсь отсюда.

— Так сколько? — переспросил Лорхе.

Еще сутки назад Сэм назвал бы сумму в десять тысяч долларов. Это, конечно, дорого, но пленка, бесспорно, стоила того: Джо Бонанно зря бы не бросил в Гонолулу свои лучшие кадры. Однако стрела из сарбакана и участие в деле союзника по НАТО сразу повышали стоимость акций монополии «Магнитная пленка лимитед».

— Триста кусков, — сказал Сэм.

— Не смешите меня, — ответил немец и опустил руки.

— Триста тысяч, — упрямо повторил Сэм. — И учтите, — добавил он, кладя «беретту» на стол, — я не спрашиваю вас, какую разведку вы представляете. Я не любопытный. Триста тысяч долларов чеком на местный банк. Насколько мне известно, все шпионы всегда набиты деньгой!

— Считайте, что разговор не состоялся! — отрезал Лорхе и снова протер платком багровое лицо и блестящий голый череп. Затем он встал и хотел подойти к столу.

— Сидеть! — приказал Сэм. — И напоминаю, что по законам штата Гавайские острова шпионаж в пользу иностранной державы наказуется